

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ.

Mohizar Abdullayeva Alisher qizi

Kosonsoy tuman Ixtisoslashtirilgan maktabi 1-toifa o'qituvchisi

Синтаксис как раздел грамматики изучает правила соединения слов в словосочетания, предложения и тексты, а также виды синтаксических связей и их функционирование в языке.

В отечественной русистике учебник Синтаксис современного русского языка под редакцией С. В. Вяткиной и др. характеризует синтаксические единицы так: «Предложение — приводимая структура, в которой зафиксирована предикативная связь» [1, с. 12]. В узбекском языкознании, отражая агглютинативный характер языка, синтаксис изучается, например, в труде Грамматика узбекского языка (Ташкент, 1948) А. Н. Кононова, где отмечается: «Наречия, входящие ... имеют морфологические признаки ... и синтаксическую функцию» [2, с. 215]. В связи с возрастающим интересом к межъязыковому сопоставлению становится важным исследовать, как именно реализуются синтаксические конструкции в русском и узбекском языках, на что влияет типологическая разница и каковы сходства.

Цель настоящей статьи — провести сопоставительный анализ ключевых синтаксических единиц и конструкций в двух языках, выявить общие и различные черты, а также обозначить типологические особенности, характерные для каждого языка. Задачи: 1) охарактеризовать базовые синтаксические единицы в русском и узбекском языках; 2) провести сравнительный анализ их реализации; 3) подчеркнуть типологические различия; 4) указать возможные лингвистические и прикладные выводы для преподавания и исследования.

В русской синтаксической традиции словосочетание определяется как «союз двух или более слов, связанных подчинительной связью, в которой одно выступает главным, другое — зависимым» [1, §1]. В учебнике Акимовой и др. подчёркивается, что в русском языке важны три вида связи в словосочетании — управление, согласование и примыкание [1, с. 47]. В узбекском языке схемы словосочетаний реализуются иначе: исследование классификации сказуемого в узбекском языковедении показывает, что сказуемое может выражаться морфологическими аффиксами и интонацией [3, с. 147].

Например, в узбекском языковом материале отмечается: «Қиш яхши – Зима хороша» (букв. «Зима хороша») — где связь выражена порядком слов, без явного сказуемого глагола; здесь зависимым выступает слово «яхши» (хороша) относительно «Қиш» (зима) [3, с. 147]. Таким образом, в узбекском языке

словосочетание может быть менее формально выражено и более гибко по средствам связи, чем в русском, где морфология подчинительной связи более фиксирована.

Сопоставляя языки, можно отметить: во-первых, и в русском, и в узбекском языках существует главная и зависимая лексическая единица в словосочетании; во-вторых, в русском языке маркеры связи выражены чаще морфологически и через синтаксическую структуру (падеж, предлог), тогда как в узбекском — через аффиксы, порядок слов, постпозитивные частицы или послелогов. В узбекском языке также отмечается использование послелогов и аффиксов, например, как средство связи — что не свойственно русскому языку [4].

В русском языке простое предложение рассматривается как «синтаксическая единица, имеющая тему- и ремуориентированность, выражающая законченную мысль» [1, §3]. Учебник отмечает, что простое предложение «является предикативным ядром высказывания» [1, с. 12]. В узбекском языке исследование семантико-синтаксической асимметрии показывает, что даже простое предложение может выражать более одной пропозиции: «в узбекском языке в значительно большей части простых предложений ... нарушена симметрия между семантической и синтаксической структурами» [5, с. 1]. Например, в предложениях с послелогом «аввал, кейин, бурун» («раньше, после, прежде чем») проявляется семантико-синтаксическая асимметрия [5, с. 1]. Это показывает, что структура простого предложения в узбекском языке может быть более сложной, чем в русском с точки зрения выражения смысла.

Сравнительный аспект: в русском языке простое предложение чаще линейно и однопредикативно, тогда как в узбекском возможны конструкции, где одна синтаксическая форма отражает две пропозиции (основную и дополнительную). Таким образом, типологическая особенность узбекского обеспечивает большее семантическое давление на синтаксическую форму.

В русском синтаксисе сложное предложение рассматривается как «связь двух или более простых предложений и/или частей, обладающих предикативностью, с помощью подчинительных или сочинительных связей» [1, с. 153]. Учебник Акимовой и др. подробно разбирает структурные типы сложного предложения, способы их осложнения и коммуникативную организацию. [1, с. 200–220].

В узбекском языке вопросы подчинительной связи и управления анализируются в диссертации по теме «Управление в русском и узбекском языках» [6]. В ней отмечается, что «управление структуры СПП узбекского языка шире употребляется, чем управление структуры СПП русского языка» [6, с. 4]. Например, в узбекском языке могут функционировать послелогов и аффиксов как

средства присоединения придаточной части, тогда как в русском — только союзы или союзные слова.

Сравнительный вывод: русский язык с его развитыми системой падежей и предлогов использует чёткие средства подчинения (союзы, союзные слова, интонация), тогда как узбекский язык, будучи агглютинативным, использует аффиксы, послелого и порядок слов как средства подчинения и осложнения. Это приводит к тому, что сложные синтаксические конструкции могут быть организованы по-разному в двух языках.

Особое значение имеет тема членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. В русской грамматике подлежащее выражается именем существительным или местоимением в именительном падеже, сказуемое — глаголом в личной форме или составным. [1, с. 65]. В узбекском языке исследование классификации сказуемого показывает, что сказуемое может выражаться глаголом + аффикс -иб, -ган + -дир, либо интонацией (например: «Китоб?» — «Книга?») [3, с. 147]. Таким образом, в узбекском предложении даже без явно выраженного глагола может функционировать как предикативное.

Сопоставление: русский язык требует формального сказуемого чаще, тогда как узбекский допускает нулевое сказуемое или выражение предикативности через аффиксы/интонацию. Следовательно, узбекский язык обладает большей синтаксической гибкостью в этом отношении. Это имеет значение при обучении русским и узбекским носителям и при переводе, где одна и та же функция может реализовываться различными средствами.

Типологически русский язык относится к флективным языкам, где грамматические значения выражаются флексией (концевыми морфемами) и предлогами; узбекский — агглютинативный язык, где грамматические значения выражаются цепями аффиксов и послелогов. Это влияет на синтаксическую организацию:

- В русском языке порядок слов относительно свободен, но падежи и предлоги фиксируют синтаксические функции.

- В узбекском языке порядок слов чаще фиксирован (SOV — подлежащее + дополнение + сказуемое), а аффиксы и послелого обеспечивают функции членов предложения. Как отмечено, управление и подчинительная связь реализуются послелогом и аффиксами в узбекском [6, с. 5].

Для сравнительной грамматики это означает, что при переходе от русского предложения к узбекскому (и наоборот) требуется учитывать не только лексические эквиваленты, но и синтаксические средства реализации связей и членов предложения.

Для обучения русскому как иностранному носителям узбекского языка важно знать, что узбекские студенты могут использовать аффикс-сказуемое или

нулевое сказуемое, и могут переносить узбекскую структуру в русский, что приводит к ошибкам типа: «Он институтда ишлайди – Он работает в институте» — в русском варианте требуется сказуемое в полной форме. Аналогично, русскоязычные студенты, изучающие узбекский язык, могут пытаться явно вставлять сказуемое или подчинительный союз, тогда как в узбекском языке допустимы конструкции без них. Знание этих различий упрощает перевод, педагогическую стратегию и сопоставительную грамматику.

Следует признать, что анализ статьи ограничен обзорным характером и опирается на общее описание синтаксиса двух языков. Для дальнейшего исследования рекомендуется углублённый корпусный анализ (например, сопоставление типов придаточных предложений, эллипс, интонация). Также перспективно исследовать влияние языковой контактной среды (русско-узбекские билингвы) на синтаксические конструкции.

В данной статье проведён сопоставительный анализ синтаксических конструкций в русском и узбекском языках. Установлено, что:

1. Основные синтаксические единицы (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) присутствуют в обоих языках, но выражаются различными средствами.

2. В русском языке преобладает морфолого-падежно-предложная система синтаксических связей; в узбекском — агглютинативные аффиксы, послелого и фиксированный порядок слов.

3. Узбекский язык допускает большую гибкость в предикативности (например, нулевое сказуемое или аффикс-сказуемое) и семантико-синтаксическую асимметрию (одна синтаксическая структура может включать более одной пропозиции) [5, с. 1].

4. При переходе от сравнения к практическому применению (обучение, перевод) важно учитывать не только лексические, но и синтаксические различия.

Следовательно, сопоставительный подход к синтаксису русского и узбекского языков способствует более глубокому пониманию структурной организации языка, улучшает методику преподавания и переводческой практики.

1. Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Казаков В. П. и др. Синтаксис современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. С. В. Вяткиной. — СПб.: СПбГУ, 2013. — 432 с. [1, с. 12; 1, с. 47; 1, с. 153; 1, с. 200–220]

2. Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. — Ташкент, 1948. — 287 с. [2, с. 215]

3. Абдуллаева Р. М. Классификация сказуемого в узбекском языкознании. // Филология. — 2011. — № 3. — С. 147. [3, с. 147]

4. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка. Электронное учебное пособие. — М., 2005. [4, с. ?]
5. Махмудов Н. М. Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка. Автореферат дисс. ... — Ташкент, 1984. [5, с. 1]
6. Хамракулов Ф. М. Управление в русском и узбекском языках. Автореферат дисс. ... — Худжанд, 2001. [6, с. 4; 6, с. 5]